

Предисловие «ПОЛКИ»

*Роман о хаосе Гражданской войны, где
единственное убежище — семейный дом
с изразцовой печкой. Из опыта жизни в Киеве,
осажденном Петлюрой, Булгаков создает
историю вечных конфликтов — старого и нового,
чести и трусости.*

Полина Рыжова

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

О семье Турбиных — Алексее, Елене и Николке — и их знакомых, попавших в водоворот событий Гражданской войны в Украине. События романа развиваются с декабря 1918-го по февраль 1919 года: Город, управляемый гетманом Скоропадским и немецкими военными, штурмует сначала крестьянская армия Симона Петлюры, а затем и большевики. Русские офицеры пытаются защитить покой Города, но бесславно проигрывают, толком не успев выступить. Булгаков, используя собственные воспоминания о Киеве тех лет, пишет роман о непрекращающейся войне без победителя, крушении старого мира и наступлении нового, а также о чуде сохранившемся в этом хаосе истории доме-приюте с «кремовыми шторами» и «лампой под абажуром».

КОГДА ОНА БЫЛА НАПИСАНА?

Основная работа над «Белой гвардией» шла в 1923–1924 годах. Булгаков к этому времени уже несколько лет жил в Москве, в квартире мужа своей сестры, Надежды Земской (позднее это пристанище станет прообразом «нехорошей квартиры» в «Мастере и Маргарите»). Писатель жалуется в дневнике на плохие жилищные условия, безденежье, проблемы со здоровьем, надоевшую ему работу в газете «Гудок»^{*1}. Свой первый роман он пишет преимущественно по ночам. Этот процесс то окрыляет его («Сейчас я слышу в себе, как взмывает моя мысль, и верю, что я неизмеримо сильнее

как писатель всех, кого я ни знаю»), то ввергает в уныние («Горько раскаиваюсь, что бросил медицину и обрек себя на неверное существование»).

За время создания «Белой гвардии» Булгаков успевает разойтись с первой женой, Татьяной Лаппа, и начать жить с Любовью Белозерской — именно ей он посвящает роман, что вызывает вопросы не только у его первой жены («Столько ночей я с ним сидела, кормила, ухаживала... он сестрам говорил, что мне посвятит»), но и у его родственников. Так, Надежда Земская писала Елене Булгаковой, третьей жене писателя: «Я сама видела в 1924 году рукопись “Белой гвардии”, на которой стояло: “Посвящается Татьяне Николаевне Булгаковой”... И это было справедливо: она пережила с Мишей все трудные годы его скитаний». Самого Булгакова, судя по дневнику, сомнения мучили не сильно — описывая покупку номера журнала с собственным романом, он заметил: «Больше всего почему-то привлекло мое внимание посвящение. Так свершилось. Вот моя жена».

КАК ОНА НАПИСАНА?

На литературном фоне 1920-х «Белая гвардия» может показаться романом очень традиционным, почти старомодным: такое ощущение создают летописные интонации («Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй»), многочисленные кивки в сторону русской классики; да и сам жанр исторической хроники и семейного

^{*1} Газета железнодорожников, издающаяся в Москве с 1917 года. В 1920-х годах в ней работали Ильф и Петров, Булгаков, Катаев, Олеша и Зощенко.

Виктор Дени. Плакат «Палачи терзают Украину. Смерть палачам!». 1920 год

романа с пейзажами, ясной фабулой и лирическими отступлениями выглядел для того времени вызывающе несовременным. Валентин Катаев, сослуживец по «Гудку», вспоминал, что устроенное Булгаковым чтение «Белой гвардии» не произвело на него никакого впечатления, роман казался «вторичным, традиционным». Однако вся эта игра в классику в булгаковском романе не вполне всерьез. Почти толстовский по замыслу труд совмещается здесь с фельетоном, высокая трагедия — с комической опереткой. В повествовании используются авангардные приемы, как будто позаимствованные у кинематографа: наплывы, смена ракурсов, резкие монтажные переходы. Классический реализм при ближайшем рассмотрении рассыпается, обнаруживая провалы в мир мистики и фантасмагории.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Булгаков заключил договор на публикацию «Белой гвардии» в сменовеховском журнале «Россия». По договору издатель журнала Захарий Каганский получил преимущественные права на отдельное издание романа. В начале 1925 года в «России» были опубликованы первые 13 глав (около 60% текста), но заключительные главы выйти не успели: издание было закрыто, а Каганский и редактор журнала Исай Лежнёв уехали за границу (первый — добровольно, второго выслали из страны).

В 1927 году 11 первых глав романа (с началом 12-й) без ведома автора вышли отдельной книгой в парижском издательстве Concorde, которое основал в эмиграции тот же Захарий Каганский. Concorde издало только одну книгу, «Белую гвардию», и сразу же закрылось. Почти одновременно в рижском издательстве «Литература» вышло пиратское издание романа: в нем была отредактирована первая часть (например, выкинут сон Алексея Турбина), а конец был дописан кем-то по финалу второй редакции пьесы «Дни Турбиных», которая также находилась в руках Каганского и позднее была им опубликована в переводе на немецкий язык. Если верить открытому письму Каганского, опубликованному в газете «Дни», пьесу он получил от «доверенного лица» Булгакова. Писатель это, впрочем, категорически отрицал, в повести «Тайному другу» он мстительно изобразил Каганского в образе издателя Рвацкого («Скажу Вам, мой нежный друг, за свою страшную жизнь я видел прохвостов. Меня обирали. Но такого негодяя, как этот, я не встречал»).

Булгаковед Мария Мишуровская замечает, что, несмотря на яркий образ проходимца, созданный Булгаковым, Каганский в действительности предпринял «удачную попытку закрепления текстов советского автора в правовом поле Европы через специально для этой цели открытые издательства». Дело в том, что СССР не подписал Бернскую конвенцию по защите авторских прав, поэтому если бы роман и пьеса были опубликованы сначала в СССР, то за границей их могли бы перепечатывать свободно, а первая публикация произведения на территории стран — участниц конвенции гарантировала, что права автора будут защищены.

Заключительные главы «Белой гвардии» вышли отдельным томом в парижском издательстве «Москва» в 1929 году. Для этого издания Булгаков сам переделал концовку, первоначально написанную для журнала «Россия»: в 1925 году он еще полагал, что будет писать трилогию, для парижской же книги ему пришлось изменить финал так, чтобы «Белая гвардия» выглядела законченным произведением. Именно по парижским изданиям до сих пор идут перепечатки романа, а его журнальное окончание обычно приводится отдельно. В СССР в полном виде «Белая гвардия» была напечатана только в 1966 году.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Заметнее всего — произведения Льва Толстого. Это неоднократно признавал сам Булгаков. В письме правительству СССР от 28 марта 1930 года он утверждал, что роман «Белая гвардия» — «изображение

интеллигентско-дворянской семьи... в традициях «Войны и мира»». В 1923 году, когда работа над романом еще шла, Булгаков написал в очерке «Киев-город», что рассказ о Гражданской войне в Украине подвластен только перу нового Толстого: «Когда небесный гром (ведь и небесному терпению есть предел) убьет всех до единого современных писателей и явится лет через 50 новый, настоящий Лев Толстой, будет создана изумительная книга о великих боях в Киеве».

Корпус повлиявших на Булгакова текстов очень широк: в «Белой гвардии» можно обнаружить отсылки к «Слову о полку Игореве», Пушкину, Гоголю, Сенкевичу, Достоевскому, Чехову, Салтыкову-Щедрину, Куприну и Бунину. Виктор Шкловский, ставший в романе одним из прототипов большевистского шпиона Шполянского, язвительно замечал, что «успех Михаила Булгакова — успех вовремя приведенной цитаты». Однако насыщенность «Белой гвардии» литературными (а также музыкальными, оперными и театральными) аллюзиями очень важна: она обозначает принадлежность героев романа дореволюционной культуре, старому миру, который вот-вот разойдется по швам.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Выход первого булгаковского романа (вернее, его первой части) в январе 1925 года почти никто не заметил. Писатель с иронией отобразил это обстоятельство в повести «Тайному другу»: «Не солгу вам, мой друг, мой роман не только не вышел в количестве шестисот тысяч, но он не вышел

и вовсе. Что касается же тех двух третей романа, что были напечатаны в журнале Рудольфа, то они не были переведены на датский язык, и в Америку с собачкой на яхте не ездил. Даже более того, он настолько не произвел никакого впечатления, что иногда мне начинало казаться, будто он и вовсе не выходил». На этом фоне особенно важной для Булгакова становится высокая оценка романа Максимилианом Волошиным. В марте 1925 года Волошин написал редактору издательства «Недра» Николаю Ангарскому, что как дебют «Белую гвардию» можно сравнить только с дебютами Достоевского и Толстого. Булгаков, по свидетельству Ангарского, этот отзыв прочитал, «взял к себе и списал» (он вообще всю жизнь будет аккуратно собирать и хранить все отклики о своих работах). Волошин захотел познакомиться

Максимилиан Волошин. 1920-е годы.
Фотография Моисея Наппельбаума.
Волошин одним из первых высоко оценил
«Белую гвардию»

с начинающим писателем, пригласил его погостить к себе в Коктебель и подарил ему свою акварель с подписью «Дорогому Михаилу Афанасьевичу, первому, кто запечатлел душу русской усобицы, с глубокой любовью».

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Буквально через три недели после выхода «Белой гвардии» в журнале «Россия» Булгаков приступил к работе над пьесой на тот же сюжет. Миновав период многочисленных переработок и политических закулисных схваток, пьеса, получившая название «Дни Турбиных», была поставлена на сцене МХАТа, где с перерывами шла до июня 1941 года — всего прошло около тысячи спектаклей.

Первое полное издание «Белой гвардии» в СССР (хоть и с цензурными купюрами) вышло в 1966 году в издательстве «Художественная литература». Сложная судьба романа вызвала колоссальное количество текстологических разночтений, ощутимо пострадали, в частности, булгаковские украинизмы. Литературовед Лидия Яновская в книге «Записки о Михаиле Булгакове» приводит следующий пример: «Слово “наволочь” (“Ах ты, наволочь! — кричал страшный рыжий дворник, хватая Николку. — Погон скинул, думаешь, сволота, не узнают? Держи!”), чудом уцелевшее в парижском томике, в нем же, в этом парижском томике, сохранившемся в архиве, аккуратно выправлено чернилами (вероятно, рукою Елены Сергеевны Булгаковой) на слово “волочь”. И так и вошло в издание 1966 года, а потом во все издания в последующие двадцать лет».

Ранняя, журнальная редакция окончания романа впервые была напечатана только в 1987 году, в «Новом мире». В 1991-м, в год столетия писателя, внезапно была обнаружена машинопись заключительной главы «Белой гвардии» с правками автора. Коллекционер Игорь Владимиров нашел ее в букинистическом магазине — на обратной стороне машинописи были наклеены вырезки из газетных статей редактора романа Исаяи Лежнёва. Однако, как замечает булгаковед Евгений Яблоков, подлинность этой машинописи никогда не подтверждалась никакими экспертными заключениями.

История семьи Турбиных несколько раз экранизировалась. В 1970 году режиссеры Александр Алов и Владимир Наумов выпустили двухсерийный фильм «Бег» по мотивам одноименной пьесы Булгакова, куда вошли также эпизоды из «Белой гвардии». Спустя шесть лет в Советском Союзе экранизировали и «Дни Турбиных» — фильм снял актер и режиссер Владимир Басов, в главных ролях снялись Андрей Мягков (Алексей Турбин), Валентина Титова (Елена Турбина), Олег Басилашвили (Тальберг), Василий Лановой (Шервинский), сам Басов сыграл роль Мышлаевского. Еще раз за булгаковскую историю взялись в 2012 году: режиссер Сергей Снежкин снял восьмисерийный сериал, но уже не по «Дням Турбиных», а по «Белой гвардии». В сериале, помимо разнообразных деталей, изменена концовка романа, который в оригинале заканчивается серией многозначительных сновидений героев, — для нового финала режиссер позаимствовал мотивы из булгаковского рассказа «Я убил». В версии Снежкина Алексей Турбин убивает

полковника Козыря-Лешко (из эпизодического персонажа он превратился в главного злодея, приказывающего, помимо прочего, сжечь «москальскую школу») и воссоединяется с Юлией Рейсс с разрешения ее любовника Шполянского (у Булгакова любовная история Турбина никак не разрешается). В 2014 году Государственное агентство Украины по вопросам кино запретило сериал на территории страны: по мнению экспертной комиссии, он «демонстрирует презрение к украинскому языку, народу и государственности».

ДЕЙСТВИЕ РОМАНА ТОЧНО
ПРОИСХОДИТ В КИЕВЕ?
ПОЧЕМУ БУЛГАКОВ ВМЕСТО
«КИЕВА» ПИШЕТ «ГОРОД»?

На первый взгляд, это и правда Киев. Большая часть реальной топонимики сохранена: например, улицы Владимирская и Крещатик, районы Подол и Взвоз, погребок «Замок Тамары», табачный магазин Соломона Когена и т. д. Но в то же время названия некоторых очевидно важных для романа мест изменены: Турбины живут на Алексеевском спуске (в реальности — Андреевский, где жил и сам писатель); Юлия Рейсс, возлюбленная Алексея Турбина, и семья Най-Турс вместе с Ириной, возлюбленной Николки, живут на Мало-Провальной улице (в реальности — Малоподвальная). Если наложить основные места действия романа на реальную карту Киева, то окажется, что пространство «Белой гвардии» умещается на одном прямом отрезке длиной всего в полтора-два километра с несколькими точками справа и слева.

Заметнее всего реальное пространство Киева искажается в эпизодах бегства Алексея и Николки от петлюровцев. Алексей, смутно соображающий из-за ранения, вслед за своей спасительницей Юлией Рейсс пробегает три больших сада на Мало-Провальной, а затем оказывается «в белом саду, но уже где-то высоко и далеко». Исследователь Мирон Петровский*¹ утверждает, что в реальном Киеве такой маршрут был бы невозможен: лабиринту садов негде разместиться на короткой Малоподвальной улочке, к тому же герой не мог подняться по ней «высоко», поскольку выше проходит широкая Владимирская улица, по которой Алексей бежал от Золотых ворот. Так же фантастически устроена сцена бегства Николки: его маршрут, обозначенный многочисленными псевдонимами реальных улиц, не строится на карте реального Киева. Булгаковские герои, заключает Петровский, «бегут по краю гибели — отчасти здесь, в Городе (Киеве) 14 декабря 1918 года, отчасти — неведомо где, в краях незнаемых, неподвластных нашему пониманию. Киевское пространство, оказывается, имеет прямые выходы в иные миры».

Булгаков берет Киев за основу, но, умеренно избегая исторической достоверности, меняет его, превращает в Город вообще. Это пространство в романе вбирает в себя всевозможные историко-географические аллюзии. Через отсылку к «наполеоновскому мифу» Город, захваченный Петлюрой, напоминает Москву, роль оплота монархии сближает его с Петербургом, находятся параллели с Римом

(петлюровцы — новые варвары), с Иерусалимом, апокалиптические же мотивы романа приравнивают Город к Вавилону¹. «Белая гвардия» в этом смысле не столько описывает конкретную историческую драму — свержение Петлюрой гетмана, сколько воспроизводит глобальный художественный конфликт, противостояние старого мира и нового.

ЕСТЬ ЛИ У ГЕРОЕВ «БЕЛОЙ ГВАРДИИ» РЕАЛЬНЫЕ ПРОТОТИПЫ?

Практически у всех. Прообразом семьи Турбиных стала собственная семья Булгакова. Турбина — девичья фамилия бабушки писателя по материнской линии, Анфисы Ивановны Покровской. Семья Булгаковых жила на Андреевском спуске, 13 (Турбины — на Алексеевском спуске, 13), теперь там находится литературно-мемориальный музей Булгакова. Правда, в семье писателя было не трое детей, как в романе, — Алексей, Николка и Елена, — а семеро.

Алексей Турбин — герой преимущественно автобиографический. Булгаков тоже был мобилизованным врачом, испытанным на себе хаос Гражданской войны на Украине, в очерке «Киев-город» он пишет: «По счету киевлян у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил». Даже внешне

*¹ Мирон Семенович Петровский (1932–2020) — украинский филолог, литературный критик. Автор новаторских работ о советской детской литературе, исследователь и комментатор Маяковского, Чуковского, Булгакова.

Братья и сестры Булгаковы на даче в Буче. 1906 год. В верхнем ряду слева направо: Вера, Миша, Варя, Надя. Во втором ряду: Ваня и Коля. На первом плане — Лена

Алексей очень напоминает самого Булгакова: «Старший Турбин, бритый, светловолосый, постаревший и мрачный с 25 октября 1917 года»^{*1} (см. воспоминания о писателе Валентина Катаева, сослуживца по «Гудку»: «Мы его воспринимали почти как старика», хотя Булгаков был старше Катаева только на шесть лет). Николка Турбин списан с брата Булгакова, Николая, хотя на его образ мог повлиять и другой младший брат — Иван. Елена Турбина больше всего похожа на сестру писателя Варвару (в рассказе «В ночь на третье число», который в переработанном виде вошел в раннюю редакцию «Белой гвардии», героиню прямо зовут Варварой Афанасьевной), но у Булгакова, опять же, было еще три сестры, черты которых могли

отразиться в Елене. Прообразом мужа Елены, Сергея Тальберга, стал муж Варвары Леонид Карум, хотя в реальности он не бежал в Германию и жену не бросал. Карум, оскорбленный образом предателя Тальберга, оставил воспоминания «Моя жизнь. Рассказ без вранья», где по-своему интерпретировал события, отразившиеся в «Белой гвардии». Председатель домового комитета Василиса, «буржуй и несимпатичный», соотносится с Василием Павловичем Листовничим, владельцем дома, в котором Булгаковы снимали квартиру. Правда, реальный Листовничий мало походил на булгаковского карикатурного мещанина — он служил инженером, строил в Киеве здания, был автором нескольких книг. Стара́ниями исследователей-булгаковедов также

^{*1} Дата Октябрьской революции.

найлены прототипы друзей дома Турбиных: Мышлаевского, Шервинского, Карася, Лариосика.

Особенного внимания заслуживает второплановый, но важный герой «Белой гвардии» — inferнальный шпион Шполянский. Одним из его прототипов был известный литературовед и киновед Виктор Шкловский. Шполянский в романе поступает на службу к гетману в броневой дивизион и устраивает саботаж — подсыпает в бак броневых машин сахар, тем самым выведя их из строя. В романе именно из-за Шполянского «гетманский Город погиб часа на три раньше, чем ему следовало бы». Такой же эпизод описывается в «Сентиментальном путешествии», воспоминаниях Шкловского: «Я засахаривал гетмановские машины. Делается это так: сахар-песок или кусками бросается в бензиновый бак, где, растворяясь, попадает вместе с бензином в жиклер (тоненькое калиброванное отверстие, через которое горючее вещество идет в смесительную камеру). Сахар, вследствие холода при испарении, застывает и закупоривает отверстие». Шполянский в романе — председатель городского поэтического ордена «Магнитный Триолет»; вполне возможно, что название ордена — ироничная

отсылка к Эльзе Триоле*¹, в которую Шкловский на протяжении долгого времени был безответно влюблен. Еще одна шпилька в адрес литературоведа: Шполянский в свободное время пишет научный труд «Интуитивное у Гоголя». Шкловский «Белую гвардию» читал и признавал себя «одним из дальних персонажей романа». Еще один возможный прототип Шполянского — писатель-сатирик Дон-Аминадо*², настоящее имя которого — Аминад Петрович Шполянский. Во время событий, описанных в «Белой гвардии», Дон-Аминадо находился в Киеве и работал вместе с другими сатириконовцами в газете «Чертова перечница» — у Булгакова эта газета называется «Чертова кукла», в доме Турбиных ее скомканный лист валяется на кресле.

КАК ВООБЩЕ ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО ВЛАСТЬ В КИЕВЕ ОКАЗАЛАСЬ У НЕМЦЕВ?

Формально власть с апреля по декабрь 1918 года находилась в руках у гетмана Скоропадского*³, но фактически Киевом управляли немецкие военные. Турбиным «металлические немцы» кажутся

*¹ Эльза Триоле, до замужества Эллы Каган (1896–1970), — писательница и переводчица, младшая сестра Лили Брик. В 22 года вместе с офицером Андре Триоле Каган уезжает из России во Францию — там она начинает писать книги на русском и французском языках, переводить Гоголя, Чехова, Маяковского. В 1928 году Триоле выходит замуж за поэта Луи Арагона, они вступают в коммунистическую партию и вместе неоднократно посещают СССР. Триоле стала первой женщиной, получившей Гонкуровскую премию.

*² Дон-Аминадо (Аминад Петрович Шполянский; 1888–1957) — адвокат, поэт, писатель-сатирик. В 1918 году, когда все газеты, с которыми Шполянский сотрудничал в Петербурге, закрылись, уехал в Киев. Там публиковался в газете «Чертова перечница», ставшей реинкарнацией журнала «Сатирикон», газетах «Киевская мысль», «Утро» и «Вечер». В 1920 году эмигрировал в Париж, печатался в эмигрантских изданиях, выпускал сборники стихов и фельетонов, стал членом масонской ложи.

*³ Павел Петрович Скоропадский (1873–1945) — военный, политический деятель. Участвовал в Русско-японской войне и Первой мировой. После провозглашения Украинской Народной

единственной защитой от петлюровцев и большевиков, именно благодаря немецким штыкам в Городе все еще сохраняется относительный порядок. Однако уже в начале романа становится понятно, что спокойная жизнь подходит к концу — иностранные войска покидают Город. «Нужно было бы немцам объяснить, что мы им не опасны. Конечно, война нами проиграна! У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем всё на свете. У нас — Троцкий. Вот что нужно было сказать немцам: вам нужен сахар, хлеб? — Берите, лопайте, кормите солдат. Подавитесь, но только помогите», — рассуждает Алексей Турбин, три года прослуживший врачом на фронтах Первой мировой. Один из парадоксов Гражданской войны — гарантом мира становится армия, с которой всего лишь год назад шли кровопролитные бои.

Украина вышла из Первой мировой войны почти одновременно с Россией: Украинская Народная Республика (государство, провозглашенное сразу после Октябрьской революции) подписала мир с австро-германским блоком в конце января 1918 года. За миром последовало новое военное соглашение: немцы пообещали помочь украинцам оттеснить большевиков с их территории в обмен на поставки продовольствия. При этом идея союза с Австрией и Германией против России существовала в кругу «самостийной» украинской интеллигенции еще до начала войны — часть Западной Украины находилась в то время под властью

Австро-Венгрии, почти одну десятую личного состава австро-венгерской армии составляли украинцы². После войны идея союза наконец реализовалась — иностранная армия численностью в несколько сотен тысяч хорошо экипированных солдат отправилась защищать Украину от красных. Весной 1918 года в Киеве часто можно было услышать такую частушку:

От Киева до Берлина
Щэ нэ вмэрла Украина,
Гайдамакы щэ нэ здалысь.
Дойчланд, дойчланд, юбер алес!³

Однако плата за эту защиту оказалась чересчур высокой. Понимая, что демократы из УНР не способны организовать бесперебойные поставки продовольствия, немцы устроили на Украине государственный переворот. С точки зрения немецкого командования, Украине для выполнения обязательств по договору больше подходила военная диктатура, выбор новых властителей Киева пал на царского генерала Павла Скоропадского.

Власть гетмана больше всего ударила по крестьянам: по новым законам они должны были вернуть помещикам земли, компенсировать им ущерб, а также под угрозой смерти отдавать немецкой армии большую часть своего урожая. Цены на продукты подскочили. Булгаков отмечает это резкое подорожание в разговоре председателя домового комитета Василисы с крестьянкой Явдохой, у которой он хочет купить бидон молока:

Республики был командующим войсками. Весной 1918 года Скоропадский, поддержанный немецкой армией, возглавил переворот в УНР и стал гетманом всея Украины. В декабре под натиском петлюровцев подписал манифест об отречении и бежал в Германию, где провел оставшиеся годы. Погиб во время бомбардировки союзников.